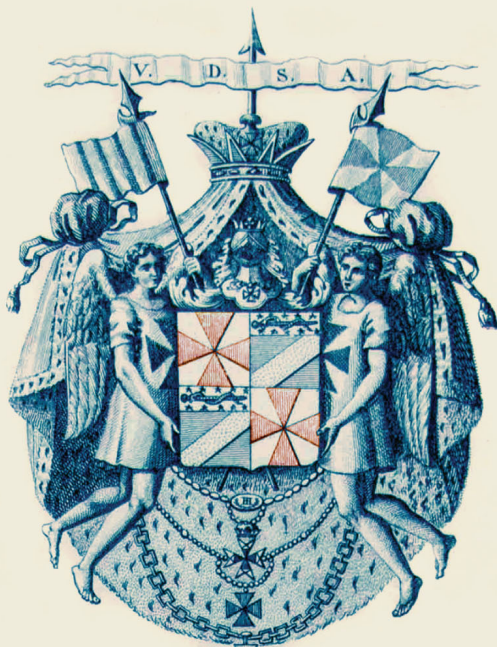

МИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА

БЕРНАР-РАЙМОН
ФАБРЕ-ПАЛАПРА

ЛЕВИТИКОН,

или
ИЗЛОЖЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ПРИНЦИПОВ ДОКТРИНЫ
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ
ХРИСТИАН

Бернар-Раймон Фабре-Палапра
Левитикон, или Изложение
фундаментальных принципов
доктрины первоначальных
католических христиан
Серия «Мистические культы
Средневековья и Ренессанса»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66460526

*Левитикон, или Изложение фундаментальных принципов доктрины
первоначальных христиан / Б.-Р. Фабре-Палапра; пер. с фр. В. А.*

Ткаченко-Гильдебрандта: Алетейя; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-00165-363-9

Аннотация

Очередная книга серии «Мистические культы Средневековья и Ренессанса» под редакцией Владимира Ткаченко-Гильдебрандта, начиная рассказ о тайнах Восточного Ордена, перебрасывает мостик из XIV столетия в Новое время. Перед нами замечательная положительная мистификация, принадлежащая перу выдающегося созидателя Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма, врача, филантропа

и истинно верующего христианина Бернара-Раймона Фабре-Палапра, которая, разумеется, приведет к катарсису всякого человека, кто ее прочитает. По франкмасонским преданиям знавший таинственного графа Сен-Жермена, он являлся поэтом социума, и, если Данте Алигьери оставил после себя «Божественную комедию», то Бернар-Раймон Фабре-Палапра – возрожденный Орден Храма, ныне признанный на уровне ООН и уже преодолевший срок существования исторического средневекового ордена. И еще одно, поистине, открытие: в его трудах ему по-братски содействовал наш выдающийся соотечественник, генерал-лейтенант и член императорской фамилии герцог Александр Вюртембергский (1771–1833), родной дядя императоров Александра I и Николая I, поскольку Россия, наряду с Францией, была соучредителем этого ордена нового рыцарства.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Тамплиер Бернар-Раймон Фабре-Палапра	7
Творческая энергия как залог жизни поэзии и... общественной организации	7
Восточный Орден. Некоторые нечаянные прозрения Бернара-Раймона Фабре-Палапра в своих произведениях	15
Неотамплиерское возрождение с начала XVIII-го столетия и загадочное происхождение «Левитикона». Николя Мальбранш и Барух Спиноза	25
Штрихи к франкмасонскому и гражданскому портрету создателя Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма. Достопочтенная ложа Рыцарей Креста. Продолжение Великого Делания – Opus Templi	48
Левитикон или Изложение фундаментальных принципов доктрины	69
Предуведомление	70
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Бернар-Раймон
Фабре-Палапра
Левитикон, или Изложение
фундаментальных
принципов доктрины
первоначальных христиан**

**МИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕ-
НЕССАНСА**

Книжная серия под редакцией Владимира Ткаченко-Гильдебрандта

Перевод с французского Владимира Ткаченко-Гильдебрандта

Автор предисловия и переводчик выражает искреннюю благодарность и братское почтение следующим лицам, оказавшим всестороннюю поддержку в первом русском издании сей замечательной книги: Семенову Александру Сергеевичу, Мхитаряну Карену Норайровичу, Хотину Владимиру Алексеевичу и Шалыгину Игорю Леонидовичу

©biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© В. А. Ткаченко-Гильдебрандт, перевод, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Тамплиер Бернар- Раймон Фабре-Палапра и тайны Восточного Ордена Предисловие переводчика

Творческая энергия как залог жизни поэзии и... общественной организации

Существуют парадоксальные поэты, творчество которых отнюдь не измеряется количеством оставленных ими ямбов, хореев, анапестов и амфибрахий, поскольку их деятельность лежит в несколько иной сфере, нежели стихосложение, хотя это никак не умаляет их поэтического дарования. Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что великий франко-швейцарский архитектор Ле Корбюзье (1887–1965) являлся поэтом в архитектуре, а его архитектурный модернизм и функционализм одновременно отражал тенденции французской поэзии, начиная от Поля Элюара и заканчивая Жаком Превером. Впрочем, подобную проекцию можно развернуть и на поле исторических реконструкций, в том числе

общественно-религиозных организаций, оценив творческую энергию, вложенную при их основании или воссоздании автором, или креативным модератором того или иного движения. Итак, речь пойдет у нас о реконструкции, по сути, уже пережившей свой легендарный прототип или первообраз и его воссоздателя, французском враче Бернаре-Раймоне Фабре-Палапра.

Бернар-Раймон Фабре-Палапра

Кстати, любая выдающаяся идея может возникнуть где угодно, в том числе в ресторане или таверне, как, например, идея объединения английских лож вольных каменщиков появилась в лондонской таверне «Гусь и противень», откуда

идет отсчет всемирной организации франкмасонства. Представляется, что нечто подобное призошло в самом начале XIX-го столетия и с членами парижского гастрономического «Клуба филея», которые, по мнению французских исследователей, очень искренне восприняли знаменитую французскую поговорку «пить как тамплиер». Несомненно, все члены этого пресловутого клуба являлись не просто мажорами того времени, но и франкмасонами, и за приятным времяпрепровождением в компании милых дам среди марочных бутылок бургундского и свиных эскалопов скрывалось гораздо большее: во всяком случае, у одного из них – завсегдатая и неформального руководителя заведения молодого столичного лекаря Бернара-Раймона Фабре-Палапра.

M^r. Fabré Palaprat

Бернар-Раймон Фабре-Палапра. Гравюра Н. М. Ф. Велл-кома от 1821 года

Можно сколь угодно иронизировать по этому поводу, чем и занимаются разного рода конспирологи, но идея о возрождении Ордена тамплиеров Фабре-Палапра, претворенная на практике, жива и поныне, — о ней свидетельствуют хотя бы десятки неотамплиерских организаций в Европе, Северной и Южной Америке, многие из которых уже ухитрились позабыть своего отца-основателя, измышляя о себе экзотические мистификации. К слову, о поздних эпигонах Фабре-Палапра можно долго рассуждать, только вот сами они того не стоят. Дело в том, что поэтический дар Бернара-Раймона Фабре-Палапра выразился в нем как в демиурге новой воссозданной тамплиерской организации, а его демиургия пережила столетия и уже даже побила срок существования исторического Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, упраздненного в начале XIV-го столетия.

Великий магистр Бернар-Раймон Фабре-Палапра в мантии с Богородичной звездой

Вообще в отношении деятельности Бернара-Раймона Фабре-Палапра можно даже ввести термин поэзии социального делания (когда поэзия используется не как литературный жанр, а именно в первоначальном древнегреческом значении слова: созидание, творчество); в нашем случае – это поэтический подход в создании той или иной общественной или религиозной организации, благодаря творческой энергии автора обеспечивающий ее перспективное функционирование и развитие, а также несмотря на взлеты и падения устойчивость в разные периоды человеческой истории. Иными словами, сила творческой энергии есть условие долговечности как литературного произведения, так и общественной организации. Мы полагаем, что сие неоспоримо.

Восточный Орден. Некоторые нечаянные прозрения Бернара- Раймона Фабре-Палапра в своих произведениях

Когда мы читаем книги Фабре-Палапра «Учебник тамплиера» и «Левитикон», то обращаем внимание на Восточный Орден, по версии автора, являвшийся предшественником исторического Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Как выясняется, Фабре-Палапра считал, что этот Восточный Орден существовал еще со времен древнеегипетского жречества, а затем его традиции были вынесены израильтянами в Палестину в период Исхода и сохранялись в колене Левия, откуда и название тамплиерского мировоззрения Левитикон, претендующего быть хранилищем изначального учения Сына Божия Иисуса Христа. Нам представляется, что Восточный Орден – это прямая аллюзия на ессейское аскетическое братство, существовавшее во время земной жизни Спасителя, к которому иные исследователи причисляют и Самого Христа и Его брата по плоти Святого Иоанна Крестителя, одного из столпов Ордена тамплиеров и эзотерического христианства (отсюда Рождество Иоанна Предтечи – один из главных праздников Ордена Храма). Со своей стороны, обозначим, что принадлеж-

ность Иисуса Христа к ессеям хотя и не доказана в религиозно-научной науке, но уже давно рассматривалась в качестве гипотезы, учитывая достаточно яркое подобие мировоззрений первых христиан и ессеев, а также аскетическую направленность обоих духовно-религиозных движений. Одним из главных сторонников происхождения христианства от ессеев являлся Эдмонд Бордо Секей (1905–1979), венгерский ученый и философ, основатель Международного биоэтнического общества. Дело в том, что во время учебы в Ватикане в 1923 году Секей утверждал, что перевел с иврита и арамейского несколько неизвестных текстов, которые якобы доказывали, что ессеи были сыроедами и что сыроедение было предписано Иисусом. Кроме того, как сообщал Секей, он нашел арамейский перевод «Евангелия мира от ессеев» и «Книги откровений ессеев» в библиотеке Ватикана, и что оригинал «Евангелия мира от ессеев» на иврите был найден им в скриптории бенедиктинского монастыря Монтекассино. В то время как заявленные переводы так называемых «текстов ессеев» привлекли к себе внимание последователей различных вероисповеданий, оригинальные манускрипты так и не были найдены, из-за чего некоторые современные исследователи религий считают их фальсификацией. Когда теолог Лундского университета Пер Бесков расследовал притязания Секея в своем исследовании «Странные сказки о Христе», то Ватикан, наряду с Национальной библиотекой Вены, опровергли существование исходного ману-

скрипта. Представители Ватикана также отрицали, что Секей был допущен в архивы Ватикана в 1923 году. Третий заявленный источник манускрипта, библиотека в Монтекассино, была разрушена во время Второй мировой войны. Тем не менее, «Евангелие мира от ессеев» прочно вошло в число основополагающих писаний движения Нью-Эйдж, странный символический храм которого расположен в стенах штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, являя собой прообраз единой религии человечества библейского Конца времен.

С другой стороны, поскольку Бернар-Раймон Палапра с начала XIX-го столетия был напрямую связан с франкмасонской ложей Истинных друзей, а позднее Тринософов, у основания которой, как считается, стоял легендарный граф Сен-Жермен, и где досточтимым мастером являлся друг Фабре-Палапра выдающийся франкмасонский символист Жан-Мари Рагон (1785–1862), принадлежащий и к числу высших офицеров Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма под орденом псевдонимом «граф Жан-Мари из Венеции»; постольку, несомненно, Восточный Орден в качестве протагониста средневекового Ордена тамплиеров напоминает нам и о существовании Великого Белого Братства, сообщества двенадцати гималайских махатм, следящих за развитием и трансформацией человечества. Уже гораздо позднее для Константина и Елены Рерихов космический феномен человека Иешуа и Бога Христа с Голгофской мистерией становится, несомненно, Аватарой, нисхождением Бо-

га, или в нашей иудео-христианской традиции Боговоплощением. Однако автором подобной концепции в отношении Богочеловека Иисуса Христа и всего христианства являлся французский мистик и эзотерик маркиз Александр Сент-Ив д'Альвейдр (1842–1909), автор сочинений «Миссия Суверенов» (1882 год), «Миссия Индии в Европе, миссия Европы в Азии: вопрос о махатмах и его разрешение» (1886 год) и «Археометра – ключа ко всем религиям и всем древним наукам» (1909 год, русское издание М.: Амрита-Русь, 2004); многими своими сведениями этот маркиз государства Сан-Марино обязан как Елене Петровне Блаватской, так и легендарному французскому оккультисту, основоположнику учения о синархии Антуану Фабру д'Оливе (1767–1821), учеником и хранителем архива которого он был.

Легендарный граф Сен-Жермен

К слову, именно Александр Сент-Ив д'Альвейдр первым употребил понятие подземного царства Агартти или Агартха, которое связывал с тамплиерами и с Царством пресвитера Иоанна французский мистик и философ XX-го столетия, принявший ислам, Рене Генон (1886–1951).

Саладин и тамплиер Арн.

Кадр из кинофильма «Арн – рыцарь-тамплиер»

В исследовательском эссе «Первоначальное учение Христа» современного французского оккультного писателя и видного деятеля движения Нью-Эйдж Даниэля Мёруа совершенно немногословно и как бы между прочим излагается не только интересная, но и крайне важная версия о том, что

очень близко подошли к разгадке граней богочеловеческой сущности Иешуа Мессии и Иисуса Христа первые рыцари-тамплиеры в XII-м столетии, общавшиеся на Святой Земле с восточными христианами, вероятно, коптской традиции: отсюда мы можем сделать вывод, что Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона как раз и пострадал спустя два века из-за своего «избыточного» знания тайн Палестины и Востока, разделяя идею существования Великого Белого Братства, кстати, засвидетельствованную римско-католическими миссионерами первой половины XIX-го столетия, в том числе Эваристом Регисом Гюком (1813–1860), монахом Ордена лазаристов, замечательным французским синологом, тибетологом и монголистом. Иными словами, именно ответвление этого сообщества посвященных Бернар-Раймон Фабре-Палапра видел в так называемом Восточном Ордене, предшествующем Оредну тамплиеров.

Ordre

du Temple.

Alaplus Grande

Gloire de Dieu

Bernard Raymond,
par la Grace de Dieu et les suffrages de nos Freres,
Grand Maître de la Milice du Temple.

à tous ceux qui ces presentes verront,

Salut, Salut, Salut.

Notre très chère

Voilà le procès verbal de la Commission, revu et corrigé, par le Grand Maître, et par le Grand Vicaire, du Conseil Général, pour commencer à l'élection des grands Prévôts et de tout ce qui est dû à l'obéissance.

Voilà le procès verbal du Conseil d'Administration, revu et corrigé, par le Grand Maître, et par le Grand Vicaire, du Conseil Général, pour commencer à l'élection des grands Prévôts et de tout ce qui est dû à l'obéissance.

La Commission, revu et corrigé, par le Grand Maître, et par le Grand Vicaire, du Conseil Général, pour commencer à l'élection des grands Prévôts et de tout ce qui est dû à l'obéissance.

Le Grand Maître, revu et corrigé, par le Grand Maître, et par le Grand Vicaire, du Conseil Général, pour commencer à l'élection des grands Prévôts et de tout ce qui est dû à l'obéissance.

Декрет великого магистра Ордена Храма Бернара-Раймона Фабре-Палапра

Герб ордена и посвяtitельный тамплиерский меч Первой Французской империи

Между тем, если отбросить даже вычурно-позитивистский внешний тон «Левитикона», то мы обнаружим в этой книге очень много разного рода недомолвок. Недосказанность является одной из характерных черт произведения, что естественно наводит на мысль о существовании тайных

посвятительных инструкций и наставлений к нему. Порой даже возникает впечатление, что книга собрана из разных не вполне между собой согласованных фрагментов, что никак невозможно представить, учитывая культурный и образовательный уровень как самого Бернара-Раймона Фабре-Палапра, так и его творческого коллеги и друга, выдающегося специалиста во франкмасонском и алхимическом символизме, оставившем великолепные книги о посвянительной традиции, Жана-Мари Рагона, вместе с которым видный парижский лекарь и реконструировал Суверенный военный орден Иерусалимского Храма. Но решение этой проблемы, на наш взгляд, впереди. Не исключено, что она связана с большой частью архива и творческого наследия Жана-Мари Рагона, известного под названием «Посвянительной летописи» и бесследно исчезнувшего после смерти самого франкмасонского символиста и интерпретатора древних мистерий. Тем не менее, остается вполне реальная вероятность того, что предполагаемые посвянительные инструкции к «Левитикону» будут найдены, когда прояснится судьба архива Жана-Мари Рагона, хранящегося, по данным некоторых исследователей, в Библиотеке Ватикана.

Неотамплиерское возрождение с начала XVIII-го столетия и загадочное происхождение «Левитикона». Николя Мальбранш и Барух Спиноза

Для начала нам следует восстановить определенные вехи неотамплиерского возрождения франкмасонства в XVIII-м столетии, связанного, несомненно, с поиском и введением высших степеней в уже вышедшем с 1717 года на сцену европейской и мировой истории братстве вольных каменщиков. Жан-Мари Рагон связывает появление самих тамплиерских степеней в 20-е гг. XVIII-го столетия с деятельностью знаменитого шотландского якобита Эндрю Майкла Рэмзи (1686–1743), рыцаря Рамзая во французской традиции, обращенного в 1710 году в римский католицизм знаменитым французским прелатом Франсуа Фенелоном (1651–1715), которого Бернар-Раймон Фабре-Палапра, исходя из «Левитикона», считает одним из хранителей тайного тамплиерского преемства и иерархом иоаннитской тамплиерской церкви того времени (кстати, архиепископ Фенелон был сторонником квиетизма в Римско-католической церкви, а это духовное направление некоторым образом связывают с исихазмом в пра-

вославии). Тогда можно логично предположить, что возрождение тамплиерских степеней во франкмасонстве инспирировалось со стороны Восточного Ордена и несколько позднее, возможно даже, графа Сен-Жермена, уже начинавшего приобретать известность при дворах европейских монархий. Но тут и уже практически с самого начала вторглись вездесущие братья Общества Иисуса или иезуиты, заражая новую всемирную организацию франкмасонов своим влиянием и продвигая тамплиерские высшие степени как средство обращения схизматиков, православных и протестантов, в римский католицизм. Именно по этой причине складывается предосудительное отношение к тамплиерским степеням, пронизанным иезуитской агентурой, со стороны видных деятелей франкмасонства того периода, что отображено и в фундаментальном труде Жан-Мари Рагона «Масонская ортодоксия», впервые вышедшем в моем переводе на русский язык в издательстве «Алетейя» в 2018 году. Далее наступает 1743 год, когда барон Карл Готхельф фон Хундунд Альтенгротткау (1722–1776), обретший уже в 1741 году символические степени франкмасонства, был посвящен в Орден тамплиеров Рыцарем Красного Пера: под этим именем, как выясняется, скрывался претендент на британский престол герцог Чарльз Эдвард Стюарт. Здесь стоит отметить, что в то время «шотландскую карту» якобитов и шотландского преемства исторического Ордена Храма ловко разыгрывал папский престол в лице своего передового отряда –

иезуитов. В 1751 году барон фон Хунд создает франкмасонский Устав строгого тамплиерского соблюдения, который в буквальном смысле пронизан членами Общества Иисуса и их агентами; сам же силезский барон, оставив евангелическо-лютеранскую веру своих отцов, как и водится, обращается в римский католицизм. Любопытно, что Высшие Неизвестные, якобы управлявшие орденом барона фон Хунда (по-французски *Supérieurs Inconnus* или сокращенно *S. I.*) это не что иное, как латинская аббревиатура в ту пору вездесущего иезуитского сообщества – *Societas Iesu*. Неоднократно неотамплиерское послушание барона фон Хунда оказывалось в эпицентре разных громких, в том числе финансовых скандалов: члены ордена требовали посвятить их в оккультные тайны, рекламируемые для их вовлечения, открыв имена Высших Неизвестных, но верхушка послушания по понятным причинам не смогла сделать ни того, ни другого. В результате накопившихся проблем Устав строгого тамплиерского соблюдения был реформирован на франкмасонском Конвенте в Виль-гельмсбаде в 1782 году, став Исправленным шотландским уставом, разработанным выдающимся христианским мистиком из Лиона Жаном-Батистом Виллермозом (1730–1824) и утверждающим разве что символическую, но не фактическую преемственность с историческим Орденом тамплиеров: ныне этот устав (сокращенно ИШУ) один из самых распространенных в мировом франкмасонстве (кстати, сам Виллермоз придерживался строго католи-

ческих, но антипапистских религиозных воззрений, что его сближало с православием). О предполагаемых связях ордена барона фон Хунда с французскими тамплиерами, продолжающими традицию Фенелона и Восточного Ордена, нет никаких данных: скорее всего, оба проекта развивались независимо друг от друга, поскольку курировались разнонаправленными силами.

Почти в то же самое время, что и Устав строгого соблюдения в Германии, во Франции возникает в 1754 году стараниями иезуитов и рыцаря де Бонневилля имитационный тамплиерский Клермонский капитул, который впоследствии, освободившись от влияния иезуитов, обретет свое выдающееся значение в формировании Древнего принятого шотландского устава франкмасонства (сокращенно ДП-ШУ), ныне самого распространенного в мире. Офицер Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма, ярый противник высших степеней в масонстве и досточтимый мастер ложи Тринософы Жан-Мари Рагон следующим образом характеризует деятельность сего псевдо-тамплиерского послушания: «<...> Рыцарь де Бонневиль полагал снизить зло, создавая данный капитул, но он его лишь увеличил; поскольку на его обломках образовался в 1758 году новый капитул, именовавшийся Советом Императоров Востока и Запада, сыгравший наиболее продолжительную роль в масонском Ордене, и благодаря чему имевший печальное превосходство стать точкой отсчета сверхмасонских установле-

ний». К слову, ДПШУ и является правопреемником выше-названного Совета Императоров Востока и Запада, а потому, по мнению Жана-Мари Рагона, создан именно на иезуитском основании (несомненно, речь здесь идет о высших степенях устава с 4° по 33°; хотя ритуалы и первых трех символических степеней, как мы выяснили ранее, составлены в середине XVII-го столетия в сотрудничестве выдающегося иезуита Афанасия Кирхера, автора монументального трактата «Эдип Египтянин», и английского алхимика и герметиста Элиаса Эшмола, привлечшего для создания новой всемирной организации логи оперативных английских каменщиков). Признаемся: тяжелое бремя выпало на долю членов Ордена иезуитов: сначала создать, а затем, утратив влияние в своем творении, бороться с ним изо всех своих сил. Ведь на протяжении всего XIX-го столетия наиболее самозабвенные и страстные борцы с всемирным злом, теперь в образе франкмасонства (и в немалой степени их детища ДПШУ), это члены Общества Иисуса и их присные. Впрочем, иезуитская мораль и деятельность известна многим народам и не вызывает у них никаких иллюзий. Даже в самые жестокие года революционного террора Жан-Батист Виллермоз отказывался от сотрудничества с представителями этого ордена как по моральным, так и мировоззренческим причинам.

Здесь мы на минуту прервемся и дадим слово выдающейся английской исследовательнице тайных обществ Нэсте Вебстер о том, что она думает по поводу тамплиерского воз-

рождения в XVIII-м столетии:

«Принято, что Великим Магистром, назначенным в 1705 году, являлся Филипп, герцог Орлеанский, а затем – Регент. Мистер Уэйт высказывал мнение, что это было «изобретением» конца XVIII века, и Хартия Лармениуса фабрикалась в тот же период, хотя оказалась опубликованной лишь в 1811 году восстановленным Орденом Тамплиеров под руководством великого магистра Фабре-Палапра. Но очевидные выводы – противоположны. Мистер Маттер, кто одинаково не верит в историю Ордена тамплиеров и подлинность Хартии Лармениуса (как документа XIV-го века), вместе с тем, сообщает, что ученые, изучившие сей документ, датируют его началом XVIII-го столетия, когда, по мнению Маттера, и Евангелие от Иоанна (используемое Орденом) было введено в оборот для «сопровождения церемоний масонских и тайных сообществ».

Крест великого магистра

Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма
Бернара-Раймона Фабре-Палапра

Тем не менее, с 1740 года мы видим явное возрождение храмовничества во Франции и Германии. У нас нет сомнений, что если гипотеза Маттера верна, то «тайное сообщество» представляло собой не что иное, как тамплиеров, и не столь важно, являлись ли они прямыми потомками Ордена XII-го столетия или его реконструкцией. Наличие немецких тамплиеров (известных как «Строгое послушание») никем не обсуждается. Таким образом, и существование в начале XVIII-го века Ордена тамплиеров во Франции выглядит крайне правдоподобным. Доктор Маккей, Джон Яркер и Лекуто де Кантелё, которые, имея в доступности тамплиерские документы, располагали и исключительными источниками информации, признают это и считают Хартию Лармениуса подлинной: “Это очень вероятно, – полагает Яркер, – что в тот период во Франции существовал Орден тамплиеров с Хартией Иоанна Марка Лармениуса, получившего назначение от Якова де Моле; тогда как Филипп Орлеанский обрел звание Великого Мастера в 1705-м году и подписал Статуты”» (*Secret Societies and Subversive Movements*, London, Boswell Printing & Publishing Co. London, 1924. P. 1354).

То есть вопрос об аутентичности Хартии Лармениуса остается открытым, а существование «выживших» тампли-

ерских групп, в том числе, вероятно, и Восточного Ордена, вообще становится очевидным.

Итак, в предыстории воссоздания в 1804 году Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма мы с большой долей вероятности установили параллельную деятельность двух противоборствующих в реальности и на ментальном плане структур: Восточного Ордена, представленного прелатом Фенелоном, графом Сен-Жерменом и, вероятно, рыцарем Рамзаем; и Общества Иисуса, возглавившего псевдо-тамплиерское возрождение с насаждения высших степеней в только что возникшее и перспективное движение вольных каменщиков. Уже гораздо позднее тем же графом Жозефом де Местром франкмасонство, в том числе в лице его высших тамплиерских степеней, рассматривалось как орудие возвращения схизматиков, православных и протестантов, в лоно Римско-католической церкви. Возможно поэтому, сопротивляясь повсюду иезуитской инфильтрации, Восточному Ордену пришлось вырабатывать свою квази-религиозную концепцию, отразившуюся в «Левитиконе». С одной стороны, чувствовалась востребованность в этом; с другой стороны – именно она в итоге и оказалась заблуждением, ввергшим орден в расколы, из которых с течением времени ему все же удавалось успешно выбираться, организационно сохраняя свою главную стволую ветвь, несмотря на непрекращающиеся нападки со всех сторон иезуитов, конспиро-

логов и их многочисленных приверженцев.

По официальным данным граф де Сен-Жермен умер в 1784 году, тогда как Жан-Мари Рагон только родился в 1786 году.

Памятная медаль Ордена тамплиеров от 1821 года.

На аверсе изображен Фабре-Палапра.

На реверсе – тамплиерский крест с аббревиатурой V. D. S. A.

Однако загадочного графа видели и гораздо позже, а Елена Петровна Блаватская говорит на этот счет следующее:

«Кроме того, по секрету сообщают, что прославленный основатель ложи тринософов, Ж. М. Рагон, был также посвящен во многие мистерии в Бельгии неким уроженцем Востока, и некоторые утверждают, что он знал в своей юности

графа Сен-Жермена. Это, вероятно, объясняет, почему автор “*Tuileur General De La Magonnerie*”, или “Устава посвященного”, утверждает, что Илия Ашмол был настоящим основателем современного масонства. Никто не знает лучше, чем Рагон, о том, до какой степени утрачены тайны масонства. Как он сам удачно подметил:

“Это вполне естественно для масона, искать свет везде, где, как он полагает, он сможет найти его, – извещает “циркуляр” великого французского поклонника восточной культуры. – Тем временем, – добавляет он, – масону присваивается славный титул сына света, хотя он и остается окутанным мраком”» (текст дан по изданию: Е. П. Блаватская. Практический оккультизм. Перевод с английского. ООО «Издательство АСТ», 2004).

Впрочем, легендарного графа видели и гораздо позже: в 50-е гг. XX-го столетия, когда он жил и писал свои герметические произведения, в том числе «Тайны соборов» и «Философские обители», под именем загадочного алхимика Фулканелли.

Иными словами, подытоживая, можно сформулировать весьма правдоподобную гипотезу: воссоздаваемый вне франкмасонства Суверенный военный орден Иерусалимского Храма являлся совместным антииезуитским проектом Восточного Ордена, представленного графом Сен-Жерменом, германскими евангелическо-лютеранскими монархами и герцогами, галликанской партией Католической церкви

Франции, Виндзоров того времени, боровшихся с по сути иезуитским якобитским подпольем, возможно, русской императрицы Екатерины Великой, принимавшей знаменитого графа и пришедшей к власти благодаря его советам, и Наполеона Бонапарта, последнего, кто присоединился к проекту в результате Великой Французской буржуазной революции и событий, которые она за собой повлекла. В этой связи более понятной становится и смерть русского императора Павла 1-го, представлявшего прокатолическую сторону русского правящего класса и принявшего сан великого магистра римско-католического Ордена Святого Иоанна Иерусалимского (или Мальтийского ордена). Именно рыцарей этого ордена, тогда понаехавших в Россию, великая императрица, всегда недолюбливавшая католиков, называла в сердцах «вельпской сволочью». Можно даже предположить, что это был опосредованный удар Восточного Ордена по конкурирующей и враждебной еще со Средневековья могущественной рыцарской организации, начавшей утрачивать свои позиции, благодаря чему наша страна сумела сохранить свою идентичность и помешать планам эмиссаров папской курии, всегда мечтавшей прибрать к рукам одну шестую часть суши с ее богатствами.

Возвращаясь к «Левитикону», отметим следующее: с одной стороны, он как бы написан для римских католиков, поскольку, когда речь в нем идет о главных христианских догматах, то Святой Дух исходит, как и в западной бого-

словской традиции, равно от Отца и Сына, что для православных неприемлемо. К тому же, вся изложенная в «Левитиконе» эkkлeзиoлoгия не имеет ничего общего с восточной эkkлeзиoлoгией: иерархия Церкви первоначальных католиков тождественна иерархии Римско-католической церкви, где папская курия заменяется на Апостолическую курию, а Суверенный понтифик и патриарх Иоаннической церкви, нося сие сугубо римское звание, является еще и Князем апостолов: именно так, опираясь на Лжесидоровы декреты, считает и Римско-католическая церковь, делая из папы викария Христа и наследника Петра, Князя апостолов. Подобные вещи никогда не почитались на христианском Востоке и могут признаваться разве что униатами греко-католиками. То есть у нас нет никаких оснований полагать, что «Левитикон» был написан афонским монахом XII-го столетия святым преподобным Никифором Исихастом или Уединенником (+ после 1282 года), хотя, как известно, он и являлся по происхождению итальянцем и вполне мог быть связанным с историческим Орденом Храма. Молитвенная практика описана Никифором в его главном сочинении «Слово о трезвении и хранении сердца», вошедшем в Добротолюбие. В другом своем произведении или «Методе священной молитвы и внимания» он объясняет способ сосредоточения ума в сердце и контроль над дыханием при произнесении молитвы Иисусовой. Но для того, чтобы приступить к «Методу», учит Никифор, необходимо прежде вести образ жизни безмолвный,

беспопечительный и быть со всеми в мире. Позднее на его сочинения, особенно в своих диспутах с варлаамитами, опирался византийский христианский мистик и богослов, архиепископ Фессалоникийский святой Григорий Палама. Кроме того, он высоко ценил труды Никифора Уединенника, создавая философскую систематизацию и богословское обоснование учения исихазма. С другой стороны, мы не можем и исключать того, что святой и преподобный Никифор все же мог иметь отношение к «Левитикону», еще находясь в латинстве, а, пребывая на Афоне, таким образом оставил памятник своей прежней жизни. Но он никогда не стал бы православным монахом, исповедуя по форме и по содержанию латинские еретические с точки зрения восточного христианства идеи, заключающиеся в «Левитиконе», на которые мы только что указывали. Опять же, в отсутствие оригинальной рукописи произведения, сложно провести и анализ «Евангеликона», той его части, которая содержит усеченное Евангелие от Иоанна с несколькими указаниями и аллюзиями на египетских храмовых жрецов, тайнами которых владел Богочеловек Иисус Христос.

ἁγία Χρῆσις

Φωτὶς Κἀνδράδης

ὁ
ἄγιος
ῥ
ῥ
ὁ ὦν

ΝΙΚΗ

ΦΟ

ΡΟ

ῥ

τῷ ἀνθρῳ

То есть заколдованный круг: и даже если представить, что «Левитикон» мог принадлежать святому преподобному Никифору Уединеннику, как утверждал о том Бернар-Раймон Фабре-Палапра (ведь именно под таким названием и с авторством знаменитого исихаста он приобрел греческий манускрипт якобы XV-го столетия в одной из антикварных лавок Парижа), проблема состоит в том, что никто, кроме самого Фабре-Палапра, не видел и не держал этого артефакта, а потому вопрос о его существовании остается открытым. К тому же, у нас совсем нет данных о степени осведомленности Фабре-Палапра в среднегреческом языке византийского периода и манускриптах на том же языке.

С другой стороны, особо стоит отметить, что философская концепция «Левитикона» несмотря на ее заявленное возвращение к истокам платонического мирозерцания, наиболее близкого библейскому тринитарному монотеизму, все же больше тяготеет, как реакция на многовековую схоластику, к мистическому пантеизму католических орденов францисканцев и картезианцев, что опять же никак не сближает «Левитикон» с мистическим богословием исихазма и Восточной церкви. То есть круг снова замыкается: «Левитикон» есть книга, написанная для римско-католического курса и пребывающая в рамках сего, что опять же устраняет ее какую-либо связь с восточно-христианской мистиче-

ской традицией и греко-православной теологией. Слишком уж неуклюжи, неразвиты и даже банальны аллюзии на идеи эллинистического неоплатоника Прокла Диадоха, а концепция Великого Всего или Единого кажется пришедшей в «Левитикон» через третьи или четвертые руки, что опять же говорит о влиянии на книгу францисканского или картезианского орденов с их сугубой пантеистической интерпретацией платонизма и неоплатонизма, легших в основу богословия Греко-православной восточной католической церкви. А теологическая несостоятельность и недостаточность уводит церковный организм в сторону формализма, юридизма и внешне строгого структурализма, что в итоге очень сильно вредит церковному деланию на путях спасения, яркий пример чему и служит Римско-католическая церковь, если даже не разбирать ее страшные прегрешения перед градом и миром иного характера.

Однако нам удалось выяснить, какой из христианских философов оказал наибольшее влияние на создание «Левитикона». Это Николя Мальбранш (1638–1715), французский философ-картезианец, римско-католический священник, сын секретаря Людовика XIII-го. Мальбранш являлся выразителем идей геоцентризма, которые мы видим и в «Левитиконе». Мальбранш, как нам представляется, сочетал в своей метафизике декартовский дуализм и механический реализм с пантеизмом Спинозы. А идеи геоцентризма понадобились Мальбраншу как уравнивающее на-

чало между картезианством и спинозизмом. И при чтении «Левитикона» не оставляет мысль, что его автор черпал откровение у великого нидерландского философа Бенедикта (Баруха) Спинозы, рационализм которого, в конце концов, растворялся в мистическом пантеизме, идущем от элеатов и стоиков. Собственно, весь «Левитикон» можно свести к философии Спинозы, заключающейся в следующем. Существует только одна субстанция (Бог), состоящая из бесконечного множества атрибутов. Бог – *natura naturans* (с лат. – «природа производящая»), то есть внутренняя (имманентная) причина всего сущего; мир – самопознание Божества (*natura naturata*). В двух атрибутах, в которых Божество познаётся человеком, в протяженности и мышлении, присутствует тождество, то есть порядок и связь идей тождественны с порядком вещей. Из внутреннего спинозизма «Левитикона» следует и идея спасения всех без исключения людей: по существу, это и есть рационализм, растворяемый в итоговом пантеизме. И что характерно: у Спинозы и в «Левитиконе» отсутствует идея трансцендентности, и Великое Все «Левитикона» не что иное, как имманентное себе *natura naturans* Спинозы, а отнюдь не одноименное понятие платонической и неоплатонической философии, на которой строится мистическая теология Восточной церкви. Иными словами, и для Спинозы, и в «Левитиконе»: «*Natura naturans* – это самая божественная сторона Бога, вечная, неизменная и незримая, в то время как *natura naturata* – это наи-

более естественная сторона Бога, преходящая, изменяющаяся и видимая» (цитировано по источнику: Kelley L. Ross. Baruch Spinoza (1632–1677). History of Philosophy As I See It, 1999). Это уже крайний пантеизм, когда божественное начало обезличено и разлито в незримой природе (Великом Все «Левитикона»), и оно порождает свои личностные проявления в виде пророков, наставников и учителей человечества. Формальный и внешний христианский тринитаризм «Левитикона» поглощается дуализмом, а в итоге пантеистическим монизмом Баруха Спинозы.

Николя Мальбранш

И последнее. Читая «Левитикон», постоянно возникает мысль, что его автор желает в единой доктрине примирить уже пробивавшийся в XVIII-м столетии научный позитивизм, ставший итогом рационализма и главенствующим мировоззрением в последние годы жизни Фабре-Палапра, а также иллюминизм и мистицизм старых и еще христианских по духу франкмасонских лож с церковным храмовым служением, откуда и попытка создания новой религии, когда откровение уже не сверхъестественное действо, а вполне закономерное и объяснимое движение в рамках существующей человеческой и иной природы и позитивистского научного подхода. Но, согласимся, подобные научно-религиозные и оккультные гибриды, выдаваемые в качестве древнего предания, как правило, очень нежизнеспособны. А в сухом остатке у нас мистификация – талантливая, великолепная, превосходная, демонстрирующая реликвии, но... мистификация. Хотя она, с другой стороны, сущностная часть искусства подражания и творчества. Следует помнить: положительная мистификация ведет к катарсису, что можно целиком отнести и к Фабре-Палапра с его «Левитиконом» и искренними неорелигиозными устремлениями. Впрочем, в истории остается только то, что для нее ценно. Так воссозданный Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра орден пережил все превратности и продолжает существовать уже в XXI-м столетии, успешно преодолев временной срок функционирования исторического Ордена тамплиеров, ну а старательно со-

здававшаяся его религиозная надстройка естественным образом предана забвению, если не считать некоторые самопровозглашенные маргинальные церкви и группы иоаннитских христиан, не имеющих к нему никакого отношения, но располагающих... своими папами-патриархами...

Итак, при подробном рассмотрении «Левитикона» мы приходим к выводу, что это произведение западного духа, вряд ли чем-то связанное со святым преподобным Никифором Уединенником и написанное приблизительно в конце XVII – начале XVIII вв., но, вероятно, все же имеющее отношение с деятельностью одной из тайных тамплиерских групп при французском дворе того периода. Это сочинение более философское, нежели вероисповедное. И претенциозная попытка Бернара-Раймона Фабре-Палапра создать на основе «Левитикона» тамплиерскую версию христианства, придав ему статус религиозного откровения, могла завершиться, увы, лишь фиаско. Тем не менее, сама книга, никоим образом не сумев стать доктринальным документом, остается замечательным памятником неотамплиерского наследия, который, несомненно, критически должны изучать все духовные потомки мученика и великого магистра Якова де Моле. Со своей стороны, добавим, что, безусловно, Восточный Орден в лице своих эмиссаров, последовательно возрождая Орден Храма, не планировал создание никакой тамплиерской религии, поскольку видел в новой организации храмовников скорее духовную школу, где хранятся знания тысяче-

летий, и под сенью которой должны в едином духе собираться братья и сестры, верующие в Святую Троицу и исповедующие христианство католической традиции (православие, католичество, лютеранство, англиканство, армяно-григорианство и пр.), военные и гражданские, франкмасоны и люди, не принадлежащие к франкмасонскому ордену. Да будет воистину так! Аминь.

Штрихи к франкмасонскому и гражданскому портрету воссоздателя Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма. Достопочтенная ложа Рыцарей Креста. Продолжение Великого Делания – Opus Templi

А теперь, предприняв уже исследование истоков неотамплиерского возрождения, обратимся к пока еще неизвестным для русскоязычного читателя вехам биографии нашего «социального поэта», особо подчеркивая их грани, способные в новых оттенках высветить деятельность загадочных представителей Восточного Ордена.

Бернар-Раймон Фабре-Палапрат родился в Корд-сюр-Сель, в департаменте Тарн, округ Альби, 29 мая 1773 года в семье доктора медицины и хирурга Раймона Фабре и Жанны-Мари Палапрат. Окончив местную школу, он поступает в римско-католическую семинарию Кагора, но революционные события прерывают его священническую карьеру. Тогда он посвящает себя врачебному делу, став школьным доктором медицины. Он служит лекарем Канской школы.

Серебряная памятная медаль в честь восстановления ор-
дена с гербом Фабре-Палапра и магистерской короной над
ним

С 1798 по 1803 гг. практикует в Кане, и в сентябре того же года перебирается в Париж. Здесь он вступает во франкмасонскую ложу Рыцарей Креста, входящую с 1805 года в Великий Восток Франции и исключенную из послушания в 1841 году. Ее досточтимый мастер Жак-Филипп Ледрю убеждает перспективного мастера-масона Фабре-Палапра в тайном существовании Ордена Храма после его упразднения в начале XIV-го столетия и доверяет ему Хартию передачи Лармениуса (преемственности великих магистров от Жака де Моле), ныне хранящуюся в Лондоне в музее франкмасонского обряда «Йорк», и другие продемонстрированные затем тамплиерские реликвии (о них речь идет в «Левитиконе»). В 1804 году Бернар-Раймон Фабре-Палапра объявляет о возрождении Ордена Храма и провозглашается 22-м от Якова де Моле и 44-м от Гуго де Пейна великим магистром знаменитого ордена. В том же году в одной из парижских антикварных лавок он приобретает манускрипт «Левитикона» по-гречески с особой версией Евангелия от Иоанна, легший в основание Иоаннитской католической церкви первоначальных христиан.

Прижизненный портрет графа Сен-Жермена

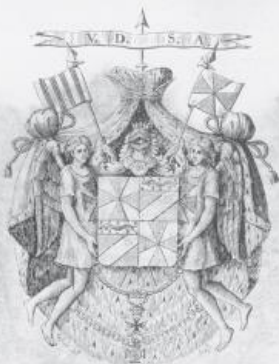
Но что же из себя представляла достопочтенная ложа Рыцарей Креста, давшая начало возрожденному Суверенному военному ордену Иерусалимского Храма. Несомненно, то, что она существовала и ранее начала 1800-х гг., и, судя по всему, являлась подпольной роялистской ложей, каковыми, например, в революционную пору были и ложи Исправленного шотландского устава под руководством Жана-Батиста Виллермоза в Лионе. Будучи внешней оболочкой ордена на тот период, ложа Рыцарей Креста, очевидно, предстает и звеном, через которое тамплиеры связаны с Восточным Орденем и графом Сен-Жерменом.

Militia

Templi.

Ad maiorem

Et gloriam.

Bernardus-Raymundus,

Dei gratia et Fratrum suffragiis, Militiae Templi

Supremus Magister,

S. V. D. S. A.

Omnibus has presentes visuris vel audituris

Salutem, Salutem, Salutem.

*Scratis quod, secundum Ordinis Regulas, nobis ab Illustrissimis
et Sacratissimis Dominis, Fratribus et Praeceptoribus nostris traditas,
Ad Religioni Christianae Tempisque D. N. I. C. Militiae*

Титул диплома Ордена Храма при Бернаре-Раймоне Фабре-Палапра

Нам удалось раздобыть французский архивный список членов достопочтенной ложи Рыцарей Креста (а таковых оказалось больше тысячи за сравнительной небольшой период в двадцать пять лет, в том числе более 700 резидентов Франции и более 300 за ее пределами): и все они одновременно являлись рыцарями Ордена Храма, восстановленного Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра. Это большой перечень лиц, в который входят представители высшей аристократии (принцы крови, один император, титулованная знать), воинской элиты, предпринимательских кругов, медицины, вольных искусств, помещиков и землевладельцев. Среди них – французы, немцы, англичане, шотландцы, итальянцы, бразильцы, португальцы, креолы, итальянцы, греки, а из славян присутствуют русские и поляки. Первым русским рыцарем был герцог Александр Вюртембергский (1771–1833), генерал-лейтенант русской армии, герой Отечественной войны 1812 года, а с 1822 шеф главного управления путей сообщения. Кроме того, он – родной брат императрицы Марии Федоровны, дядя выдающихся императоров Александра 1-го и Николая 1-го.

В 1810 году достопочтенная ложа Рыцари Креста (а по существу Суверенный военный орден Иерусалимского Храма) по инициативе и под руководством своего досточтимого ма-

стера (тогда уже войскового лекаря) Бернара-Раймона Фабре-Палапра создала в Париже хоспис для престарелых, увечных и больных ветеранов французской армии, что еще больше упрочило связи между орденом и императором Наполеоном Бонапартом. На открытии сего заведения присутствовал Жан-Жак Режи де Камбасерес (1753–1824), архиканцлер Империи, принц Империи, титулярный герцог Пармский (1808–1814) и великий мастер Великого Востока Франции (1806–1814).

Аполлон Карелин (1863–1926), глава московских тамплиеров в 20-е гг. прошлого столетия

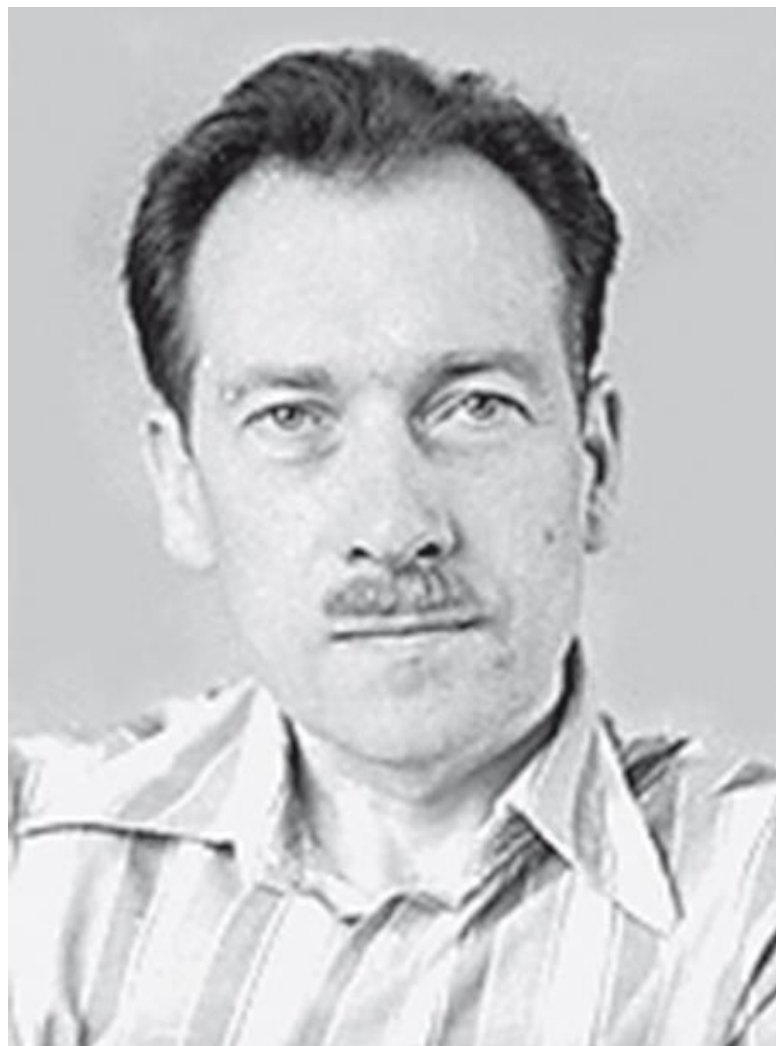
В 1812 году офицер медицинской службы Бернар-Раймон Фабре-Палапра посвящен в качестве великого магистра Суверенного военного Ордена Иерусалимского Храма конституционным епископом Кайе в Сан-Доминго Гийомом (Вильгельмом) Мовиэлем (1757–1814). В 1813 году ему поручен

государственный надзор за клиниками инфекционных больных в департаментах французской столицы; с этого времени он – инфекционист. Состоя генеральным директором медико-филантропического общества, в это время Бернар-Раймон Фабре-Палапра содействовал популяризации и внедрению многих медицинских открытий и достижений, одним из первых предложив использование электричества при лечении психоневрологических заболеваний. В 1814 году он сражается на стороне бонапартистов как рядовой боец столичного ополчения в битве за Париж, за что удостоивается Ордена почетного легиона. В 1825 году им создается женский корпус Глава восточного отряда Ордена Храма. В 1828 году Суверенный военный орден Иерусалимского Храма по инициативе Фабре-Палапра принимает название Церкви первоначальных христиан. В 1829 году он избирается членом Национальной академии искусств Атенеум (Афинской академии), но еще раньше, в 1805 году, он стал основоположником первой французской академии медицинских наук (сохранились акты о ее создании).

Глава Восточного отряда Ордена тамплиеров (московских тамплиеров) в 20-е гг. прошлого столетия экономист Апол-

лон (Аполлинарий) Карелин (1863–1926)

Исследователь русских тамплиеров 20-х гг. прошлого столетия Андрей Леонидович Никитин, сын тамплиера Леонида Никитина

В 1831 году Бернар-Раймон Фабре-Палапра при участии аббата Фердинанда Шателя, основателя галликанской Французской католической церкви, провозглашен Суверенным Понтификом и Патриархом Кафолической универсальной церкви первоначальных христиан или Иоаннитской тамплиерской церкви. Он умер в 18 февраля 1838 года и был похоронен на Северном кладбище французской столицы (Монмартр) 24 марта того же года, почти в одну дату с казнью 22-го великого магистра Ордена Храма Жака де Моле. Видный французский мистик Леон-Эйжен Жозеф Фабр дез Эссар (1848–1917) считал Бернара-Раймона Фабре-Палапра одним из Иерофантов Франции, а посему посвятил ему очерк в первом томе своей монументальной работы «Иерофанты», в завершении которого он резюмирует, что Фабре-Палапра, уподобившись родоначальникам новых религий, пришел на этот свет нищим и ушел к Богу в абсолютно нищенском состоянии. Но мы-то как раз выяснили, что религиозные амбиции бывшего кагорского семинариста и племянника епархиального римско-католического священника оказались главным заблуждением его жизни и чуть было не сыграли роковую роль в судьбе Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма. Для нас очевидно, что Восточный Орден

желал передать возрожденным тамплиерам знание, а создание новой религии, тем паче на целиком папистской эkkлезиологии в его планы не входило. К сожалению, поэтически талантливой и энергичной душе Фабре-Палапра не удалось преодолеть в себе противоречий между римским католиком, фракмасоном и тамплиером, что вылилось в инсталляцию новой церкви, опираясь на рациональные и пантеистические представления Мальбранша, Декарта и Спинозы и не вполне удачно оперируя неоплатонической терминологией. Возможно, итог был бы другим если бы великий магистр Храма был знаком с православной эkkлезиологией, хотя бы с ее ортодоксальным истолкованием исихаста Николая Кавасилы (1322–1391). Но увы...

Жозефен Пеладан в тунике левита

Разумеется, дело, столь успешно начатое великим магистром Суверенного военного ордена Иерусалимского Храма Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра, живо и теперь. После относительного процветания ордена и признания со стороны императора Наполеона III он практически впал в ничтожество в результате революции и Парижской коммуны. Тогда его факел подхватил выдающийся писатель, собственно, один из основоположников символизма в европейской литературе Жозефен Пеладан (1858–1918), став регентом очень сократившейся организации и создав на ее основе Католический Салон Розы и Креста и эстетов Башни Грааля, чтобы передать пламенный московским тамплиерам 20-х гг. прошлого столетия во главе с Аполлинарием Карелиным.

Марселлен Дебутен.

Портрет Сара Меродока Жозефена Пеладана со сжатой ладонью в так называемой львиной лапе

В настоящее время Суверенный военный орден Иерусалимского Храма, возрожденный Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра и действующий на принципах экуменического христианства католической традиции, насчитывает более 5000 рыцарей и дам по всему миру и признан на уровне ООН, имея аккредитацию при ЮНЕСКО, других комиссиях и комитетах, аффилированных с ООН, его представители работают в учреждениях данной структуры в Нью-Йорке, Женеве, Вене и Иерусалиме. О разных схизматических псевдо-тамплиерских ветвях, отпавших от стволового древа ордена, которых насчитываются десятки, в том числе имитационные римско-католические, рассуждать здесь не вполне уместно.

8, Rue de SEZE, 8

SALON

Rose

Croix

AVRIL

Титул одного альманаха Салона Розы и Креста Жозефена Пеладана

А иначе и быть не может, ведь таинственный граф Сен-Жермен и Бернар-Раймон Фабре-Палапра, другие представители Восточного Ордена, как мы определили, являлись поэтами в своих областях (алхимии, политологии и социальной инженерии) и в равной степени ими представляли: французский символист Жозефен Пеладан и русские тамплиеры Аполлинария Карелина, известные по трудам замечательного русского писателя Андрея Никитина (1935–2005) (чьи родители были тамплиерами), многие из которых повторили крестный путь 22-го великого магистра Якова де Моле: расстрелянные, прошедшие Гулаг и положившие свои юные жизни и незаурядные таланты на алтарь Храмового делания – Opus Templi!

Non nobis, Domine, non nobis, sed Nomini Tuo da Gloriam!

*Владимир ТКАЧЕНКО-ГИЛЬДЕБРАНДТ (ПРАНДАУ),
переводчик, военный историк, подполковник, КСТЖ*

Левитикон или Изложение фундаментальных принципов доктрины

**ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ КАФОЛИЧЕСКИХ ХРИСТИАН;
СОПРОВОЖДАЕМОЕ ИХ ЕВАНГЕЛИЯМИ, ВЫДЕРЖ-
КОЙ ИЗ ЗЛАТОЙ СКРИЖАЛИ И ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫМ
РИТУАЛОМ ДЛЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СЛУЖБЫ, И ПРЕД-
ВАРЕННОЕ СТАТУТОМ ПО УПРАВЛЕНИЮ ЦЕРКВИ И
ИЕРАРХИИ ЛЕВИТ**

от Бернара-Раймона ФАБРЕ-ПАЛАПРА

ОТПЕЧАТАНО

**у Ж. МАШОТА, генерального казначея,
Улица Золотого Короля Святого Людовика
(Rue du Roi-Doré Saint-Louis, № 4)**

ПАРИЖ

1831

Предуведомление

Архивы Апостолической Курии, содержащие исторические документы первоначальной христианской католической Церкви, внушили нам замысел опубликовать их с позволения Князя Апостолов и Курии. Но сей труд, требующий исследований, к которым нет возможности прибегать Курии в настоящее время; хотя, с другой стороны, сложилось общее мнение, что нельзя не откликнуться на справедливые просьбы *левитов, наконец, принявших решение исповедовать культ Церкви Христовой.*

Вот почему он постановил через печать предать гласности писания, содержащие фундаментальные принципы первоначальной христианской религии, столь необходимые как для руководителей, так и для верных.

Эти писания состоят, главным образом, из Левитикона и Евангелий. Мы сюда включили и следующее: выдержку из *Златой Скрижали, основной Статут управления Церковью, Церемониальный ритуал религиозных служб* и пр.

Стоит напомнить, что Левитикон, Евангелия и выдержка из Златой Скрижали являются переводом одного из манускриптов, содержащихся в священной сокровищнице христианской Церкви.

Это греческая рукопись на пергаменте (на больших листах) золотыми буквами и датируемая 1154 годом. Она пред-

ставляет собой копию или апограф манускрипта пятого столетия, сохраненного нашими братьями с Востока и подобного Западному списку, за исключением отрывков, касающихся *Ордена Тамплиров, инкорпорированного в первоначальную Церковь в 1118 году*; а также несколько примечаний и извлеченных фрагментов традиционного комментария религиозной доктрины, утверждение коей Апостолическая Курия поручила во всех переводах левитического кодекса.

Евангелия у нас те, которые написаны Апостолом Иоанном, к чему добавляется параллельно Евангелие того же Апостола согласно Вульгаты.

Златая Скрижаль содержит перечень или хронологический ряд вплоть до 1154 года Суверенных Понтификов и Патриархов, последним из которых (или семьдесят четвертым) являлся пятый Великий Магистр Храма.

Фундаментальный Статут управления Церковью, церемониальный Ритуал и двадцать одна статья исповедания веры или краткий очерк Левитикона являются выдержками из древнего манускрипта, заключающими различные постановления Апостолической Курии, декреты которой в недавние времена были собраны в один свод указом той же Курии.

Чтобы критикам избежать бесполезных повторений, а верным ответов по незначительным доводам, мы предупреждаем, что манускрипты, о которых идет речь, и другие сохранившиеся рукописи в архивах Церкви с вящей тщательностью изучены большим количеством людей, способных о

них судить, в том числе знаменитым ученым Грегуаром, бывшим епископом Блуа, который в своей Истории религиозных сект (*Histoire des Sectes religieuses*, tome 2, page 407 etc., edition de 1828) разделяет чувство выдающихся и сведущих эллинистов, к тому же, и в отношении палеографии о древности манускрипта, содержащего Левитикон, Евангелия и Златую Скрижаль, манускрипта, считающегося тринадцатого столетия, тогда как другие утверждают его более раннюю датировку (1).

Большой герб ордена от 1804 года

Монсеньор Грегуар, не взирая на свою добрую снисходительность и полную убежденность в аутентичности сего манускрипта, несомненно, оказался неудержимо увлеченным предрассудками первоначального воспитания, основания римско-католической веры, против которой он опасался и на мгновение вооружить свою проницательность, стараясь найти доводы для доказательства, что *Левитикон* не содержит верного выражения христианской доктрины. По умолчанию причины он свидетельствует об огорчении тем, что Евангелие Святого Иоанна включает только девятнадцать глав (2), вместо двадцати одной, и не повествует о чудесах; что оно умалчивает о воскресении Христовом и о некоторых событиях, касающихся Святого Петра и пр.; отсюда он заключает (не опираясь на законы логики, но будучи римским католиком, разочарованным в обнаружении сильных аргументов против его верования), что *данные упущения выявляют недобросовестность, руководившую в составлении этого манускрипта, который, кажется, направлен против всякой идеи прерогативы Святого Апостола Петра и создан только в пользу деизма и первенства Святого Апостола Иоанна.*

Если в подтверждение своего мнения он ссылается на поддержку, оказанную первоначальному христианству людьми, чья вера, по его мнению, мало согласуется с его собственной,

в том числе знаменитым протестантом Самюэлем Бошаром, Фридрихом II, королем Пруссии, аббатом Бартелеми, Дюкло, Дюпюи, Ласепедом и др., которые вписаны среди больших сановников нашей Церкви, то ему сложно понять все это, не сделавшись, по крайней мере, поколебленным в своем противостоянии, когда одновременно видишь в перечне первоначальных католических Понтификов имена Фенелона, Массийона, епископа Сан-Доминго Мовиэля, епископа Ортозии Соломона и др.

В отношении доктрины мы увидим, сравнивая текст Левитикона со сказанным о нем монсеньором Грегуаром, что этот прелат, всегда подчиненный одной и той же власти, не мог решиться дать не усеченный анализ представленной доктрины, особенно же вывести строгие последствия столь положительных, столь ясных, столь запечатленных истиной принципов, установленных, так сказать, в каждой строке книги, которой совесть, свободная от предубеждений, не может отказать в праве называться божественной.

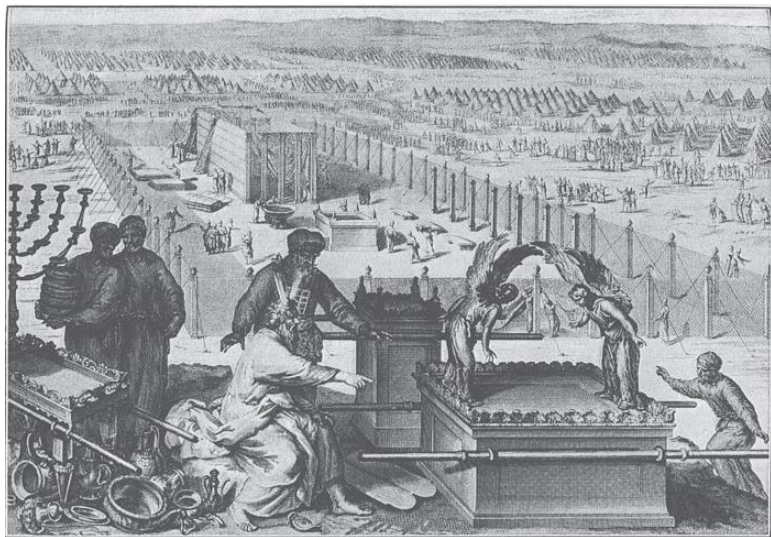
Мы увидим, что благодаря принудительным истолкованиям, каковые по обыкновению делаются среди римских сектантов, но которым наиболее чистое рвение в пользу папистской религии всегда будет служить извинением у монсеньора Грегуара, наш прелат навязывает первоначальным христианам противное тому, что они говорят. Тем самым он утверждает, что в соответствии с их религиозной системой: «все части естества, какими бы ни были их составы, располагали

бы свойством мышления и пользовались бы свободной волей; поскольку мы отвергаем верование в творение и большую часть книг Библии, в том числе Бытие, Пятикнижие и пр.».

Несомненно, наша Церковь отвергает все *абсурдное, нечестивое и аморальное*, как не являющееся трудом откровения в человеческом разумении; но она признает все то в Ветхом и Новом Завете, чего не коснулась рука фальсификаторов, то есть все исходящее от Бога.

Итак, провозглашая, что она признает в качестве аутентичных только Евангелия, идущие от Святого Иоанна, Послания Святых Апостолов и книги, которыми обладает во всей их чистоте, Церковь не говорит, что она *отвергает* другие книги; она разумеет лишь, что отвергает в сих книгах то, что в них присутствует *нечестивого, аморального, ложного и абсурдного...* Безусловно, она настолько же верует в творение и образование земли и существ, ее населяющих, насколько и в творение и образование бесконечности существ, проходящих перед нашими глазами, которые исчезнут, как однажды исчезнет земля, дабы уступить место другим существам и пр., пр., пр. Настаивать на подобной теме оказалось бы в некотором смысле внесением смятения в святость нашего верования, целиком покоящегося на принципах; и эти принципы, еще раз повторимся, предстают столь очевидными, что не могут содержать никакой дискуссии, из чего нам стоит извлекать следствия. Вот почему мы напоминаем, что

особым законом верным воспрещается всякая полемика о доктрине, и нам непозволительно нарушать столь мудрый закон, заставляющий отбросить в сторону говорение о диалектике, чтобы прибегать только к диалектике сознания.

Герард Хут. Создание ковчега Завета и священных сосудов

Затем, не имея сил противостоять потребности обращения к истине, монсеньор Грегуар старается исправить суждение, которое только что вынес; но, уделив должное правосудию, и всегда все больше и больше подчиняясь своей ве-

ре, он не смог помешать себе возвести этой вере маленький
искупительный алтарь: *историк идей не обязан освещать их
неясности и примирять их антилогии.*

Святой Бернард Клервоский в религиозном озарении

Однако сего не следовало из смешения, отмеченного в сочинении монсеньора Грегуара, который, с одной стороны, был убежден в аутентичности наших книг и возвышенности нашей религиозной философии, а с другой стороны, тяготился признанием этого; но мы обязаны воздать должное за его усердие в распространении истины; и даже если он не считал своей обязанностью представлять наши книги для почитания людей, то, по крайней мере, он один из тех, кто нас наиболее подвиг к их публикации и публичному исполнению

нашего культа.

Анонимные писатели, осуществляющие нападки на Храм и первоначальную религию, цитировали в некоторых периодических изданиях отдельные фразы монсеньора Грегуара в пользу того, что они называют своим мнением. Если бы мы были убеждены в их добросовестности, как мы убеждены в порядочности, руководившей во всех обстоятельствах поведением досточтимого епископа Блуа, то мы бы отвечали им уважительным безмолвием, что мы и делали в отношении монсеньора Грегуара.

Но учитывая то, что у этого автора они заимствовали фразы, способные усиливать аргументы, целью которых было указать на нас как на безбожников и святотатцев, то мы считаем своим долгом не жаловаться на столь странное поведение, а напомнить, в частности, отрывок, который они цитируют, чтобы доказать на свой лад, что рыцари Храма позволяют себя считать облеченными епископским полномочием.

«Встает вопрос (говорит Грегуар, р. 414, tom 2, *de l'Histoire des sectes religieuses*), правомочен ли простой рыцарь сообщать миропомазание для освящения левитов первой степени или рыцарей; о чем в 1812 году вступила в силу КОНСТАТИРУЮЩАЯ ЧАСТЬ постановления, гласящая, что, учитывая священный и никогда неизгладимый характер рыцарства (3) и по факту своего возведения в ранг левитов, стоящих на защите Святого Ковчега и при чествовании культа, всякий Тамплиер получал творческую силу и

пр.; тем самым всякий Тамплиер мог исполнять сие религиозное действо».

Даже не читая то, что предшествовало и следовало этой статье, всякий здравомыслящий человек мог просто заключить, что она касалась только рыцарства Храма; что сие рыцарство одновременно религиозное и воинское; что оно стоит на защите Ордена и культовых церемоний; и передается помазание рыцарям, когда их принимают, и что это помазание запечатлено священным характером; тот, кто получил сей характер при помощи помазания, обладает полномочием (в соответствии с правилами и когда он обрел в этом дозволение на осуществление тех же самых правил), о чем я, повторяю, сказал, в свою очередь сообщать рыцарство правомочным образом.

Вовсе не так действовали кликуши. *Клевецем*: таков их боевой клич, который они называют *победой*; и не думая о том, что применяли оружие против себя самих, они вопили о святотатстве. Несомненно, они хорошо осознавали, что рыцарская милиция или левиты первой степени не что иное, как вооруженная стража Левитического Ордена, образующего в определенном смысле стену ограды; но было ли это причиной считать ее святилищем Храма? Подобный довод слишком абсурдный, чтобы ему не разрушиться самому по себе. Они равно знали, что оно существует в средоточии девяти левитических невоенных Орденов, начиная со второго и вплоть до понтификата; и что одни епископы в со-

ответствии с дисциплинарными правилами Церкви пользовались властью создавать других левитов, учитывая вторую степень... и тем не менее, мы оказались преследуемыми их ложью!.. Исходя из последнего, пусть судят по логике, добросовестности и милосердию сих людей, провозглашающих себя в высшей степени христианами, которые после того, как нас презрительно оскорбили, не побоялись в слишком большом количестве превратностей, а особенно в 1815 и в 1828 гг. (4), навлечь на нас действия Правительства, объявив немногим до того, что смогли бы навести порядок в наших безобразиях и пр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.